

Гуманитарные науки как фабрики мысли.
Российская диагностика

С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук

Что за фабрики мысли, для чего эти фабрики мысли нужны?

Семинар в своей сквозной программе «соединяет» возможности российской гуманитарной науки и потребности общества и государства (власти) в консультациях и рекомендациях с ее стороны. Деятельностное пространство нуждается в интеллектуальных подсказках. Преобразовательная деятельность нуждается в понимании действительности, знании о ней с тем, чтобы ее преобразование было бы успешным и конструктивным, во-первых, и нравственным (ценностно определенным), во-вторых. Именно так в теме настоящего доклада отражается тема семинара «Российская гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства». Кроме того, заметно, что введенное на первом заседании А. Неклессой пространство творческого вызова семинара в диапазоне «миропознание-миростроительство» в настоящем докладе также находит свое отражение.

Сразу хочется заявить, что анализ темы будет происходить именно в этом двумерном критериальном пространстве: познание-преобразование, познавательный потенциал гуманитарной науки — преобразовательный ее потенциал.

Вопросы, которые в докладе будут проанализированы, включают следующие. Что такое наука? Что такое гуманитарная наука? Как она соотносится с естественными, прикладными, фундаментальными, точными науками? Как можно увидеть все перечисленные науки в пространстве

«миропознание — миростроительство»? Что, в порядке диагностики, происходило с российской гуманитарной наукой исторически и что происходит сейчас? Как в настоящее время российская гуманитарная наука включена в систему или институт фабрик мысли на стыке общества и власти?

1. Основная дефиниция

Это удивительно, это на самом деле один из элементов диагностики российской гуманитарной науки, но профессора, прожившие всю свою творческую жизнь в области гуманитарных наук, не знают, что это такое. Идет, якобы, дискуссия об этом.

В связи с одной из основных особенностей гуманитарных наук, выражающейся в *полизначности* их категориального аппарата, начнем именно с определения — что же мы будем понимать под гуманитарными науками?

Во-первых, заметим, что полизначность определений — вещь не совсем запретная. Ну не хватает иногда богатства языка для однословных определений разных понятий. Даже само слово наука применяется иногда совсем с разным содержанием. « Ну что, внучок, — получил щелчок? Вот и будет тебе наука»...

Выходом из этой неопределенности нам видится функциональность или контекстность определения. Та или иная категория, дефиниция, термин может быть определен для целей **данной** задачи, в **данном** конкретном контексте. В том именно смысле, который эффективен для решения поставленной исследователем задачи. (Для этого, правда, должна существовать сама поставленная **задача**, что в гуманитаристике имеет место не всегда, и это относится также к одной из претензий к российской гуманитарной науке — отучилась она решать задачи. Все больше писанием занимается.).

Само определение может уже в своем содержании нести часть методологии, инструментария для решения задачи. Но, очевидно, что опережая ход рассуждений, мы невольно уже

вводим один из принципов нужной для нашей задачи дефиниции науки. Это показатель ее активности, преобразовательного потенциала. Здесь и еще не раз мы отталкиваемся от проблемных опорных точек, заданных А.И. Неклессой¹ в его докладе. В данном случае речь идет о потенциале науки в миростроительстве. Представляется, что этот потенциал существенно отличителен от потенциала миропонимания (познавательного потенциала). Больше того, два эти маркера дают нам вполне определенные шкалы, которые позволят диагностировать российскую гуманитарную науку — ибо это и есть та задача, которую мы решаем в настоящем исследовании.

Итак, под термином **наука** в контексте нашей задачи мы будем понимать человеческую деятельность по:

- 1) отражению (познанию) окружающего мира;
- 2) упорядочению получаемых знаний (информации);
- 3) построению модели (теории, опережающего отражения мира);
- 4) преобразованию мира на их основании (рис. 1).

Рис. 1. Шкала содержания науки как вида человеческой деятельности

На этой шкале или в заданном ею пространстве мы можем местоположить такие привычные атрибуты науки как, например, эмпирику и феноменологию, теорию, эксперимент, фундаментальную науку, прикладную науку (рис. 2).

¹ Неклесса А.И. Ценности, мышление, наука: генезис и динамика форм. Миропознание и миростроительство. См.: Гуманитарные науки и высшие ценности Российского государства. Вып. 1. М., «Научный эксперт», 2007.

отражение	упорядочение	моделирование	преобразование
феноменология	теория		эксперимент ²
фундаментальная наука		прикладная наука	

Рис. 2. Положение разных наук на шкале
«Познание-преобразование»

Границы на этой шкале подвижны и условны. Именно это позволило классикам утверждать, что самая практичная вещь — это теория. Что эксперимент без его плана, гипотезы, цели — это не более, чем анекдотическое «грушу трясти» или действовать самым неэффективным способом — «методом тыка» и т. д. Предлагаемая шкала позволяет соотнести науку как вид человеческой деятельности с иными видами деятельности. Например, очевидно, что слева к ней примыкает и входит в ее пределы чувственная, эмоциональная деятельность человека: поэтические, художественные способы отражения-познания мира, искусство. Справа примыкает собственно строительство как

Книжная миниатюра.
Художник А.И. Калашников

² Очевидно, что эксперимент и феноменология «соединяются» друг с другом. Это означает цикличность или непрерывность процесса познания и преобразования.

материальное воздействие на мир, его целенаправленное изменение, т. е. сугубо практическая деятельность. Строительство в прямом смысле — разрушение, в том числе не только бульдозером или кнопкой подрыва заряда динамита, «заметно» преобразующего мир, но и управление социальным и политическим процессом. Властное управление, преобразующее окружающую нас социальную, экономическую, политическую действительность, иногда сильнее динамита. Соответственно актуализируется роль гуманитарной науки в части ее преобразовательного потенциала, реализуемого во властно-управленческой деятельности.

Здесь мы подходим вплотную к нашей задаче — диагностике российской гуманитарной науки в наиболее актуальном ее компоненте, а именно, способности вносить вклад в преобразование окружающего нас социального, экономического, политического мира, т. е. вклад во властно-политическую и государственно-управленческую деятельность. Именно эта задача запрограммирована как интегральная и сквозная во всей тематической программе нашего семинара. Именно этот потенциал российской гуманитарной науки интересует нас в пространстве «миростроительства».

Глядя на шкалу можно предположить, что в большей степени этот потенциал тяготеет к правому ее крылу, но, ухватывая эту естественную мысль, тут же понимаешь, что с позиций максимальной эффективности, результативности, того самого упомянутого потенциала миростроительства *шкала неразрывна*. Неразрывна, потому что объяснительный (познавательный) потенциал науки увеличивается тоже слева направо. И это есть наш *ВЫВОД № 1*.

Если науку искусственно ограничивать каким-либо из сегментов шкалы, то ее эффективность существенно снижается. Что означает, например, строительство без знания свойств грунта или температурных перепадов, или прогноза будущей обстановки вокруг этого стройобъекта? Что означает бесконечное созерцание (описывание) действительности без применения его результатов на практике?

Что означает бесосновательное утверждение в современной практике правительства о необходимости стерилизовать деньги в экономике страны, когда легко показать, что на инфляцию (такова объявленная цель) это не влияет, а развитие страны тормозит? У физиков на эту тему был такой анекдот: «На базаре. Гиви, ты купил орехи по 3 рубля, и продал тоже по 3. — Зачем?!... — А, люблю шорох орехов». Если консультативные институты страны работают в режиме «шороха орехов», то успешным и конкурентоспособным такое государство в современном мире не может быть. Однако заметим, что мы невольно начинаем смешивать два различных потенциала науки: объяснительный и преобразовательный. Ниже из этого затруднения придется выходить.

На предложенной шкале можно увидеть место для основных научных методов познания. Например, анализа, синтеза, компаративистики (временная-историческая, пространственная-страновая), социологии (первичная, предельно описательная, и вторичная, предлагающая уже объяснительные модели) (рис. 3).

отражение	упорядочение	моделирование	преобразование
анализ		синтез	
	компаративистика		
социология I	социология II		

Рис. 3. Местоположение методов науки

Разумеется, что предлагаемое местоположение методов не является абсолютным. Место анализу есть и в эксперименте, например. Но генерализующее значение шкалы нам

необходимо чтобы подойти, наконец, к искомому определению гуманитарных наук в контексте нашей задачи: диагностики российской гуманитарной науки.

Предлагаемая шкала дает возможность поискать место для таких классификационных обозначений в науке как точные, естественные, социальные науки, фундаментальные и прикладные науки. Наверное, можно вспомнить и иные, упоминаемые в разных контекстах, виды науки, и мы уверены, что на предлагаемой шкале их место обнаружится, потому что пространство «отражение — преобразование», или иначе «миропознание–миростроительство», перекрывает все содержание разумной человеческой деятельности. Собственно, этот путь поиска дефиниции почти означает, что, перебрав все «виды» наук, поняв их соотношение и содержание, местоположение на предлагаемой шкале мы увидим где-то пустующий угол — он-то и будет означать место последней из наук в этом переборе — гуманитарной науки. Что и ищем. Правда, она может оказаться вполне синтетической, но это уже наша гипотеза в данном поиске.

Итак, где на нашей шкале место точных наук, включая ее вершину — математику (рис. 4)?

отражение	упорядочение	моделирование	преобразование
	точные науки		
естественные науки			

Рис. 4. Место точных и естественных наук

К точным наукам, очевидно, относится физика (химия), математика и все их производные. Главный их признак заключается в том, что они прежде всего ищут объективно существующие в природе законы и описывают их на специальном (в пределе математическом) языке. Чем выше степень

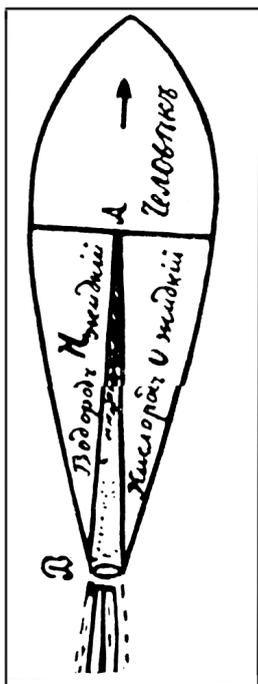

Рисунок
К.Э. Циолковского

«точности» науки, тем более абстрактен, специален и познавательнее мощнее ее язык. В случае точных наук метод как бы сливается с самой наукой как деятельностью. Предмет их поиска, содержание их продукта — закон природы. Это не означает, что, скажем, в гуманитарных науках нет поиска законов или что их нет вовсе.

В гуманитарных науках их (объективных законов) **может** не быть — этой аксиомы еще никто не утвердил, теоремы не доказал. Но сплошь и рядом российский гуманитарий, как черт ладана боится методов точных наук, апеллирует к тому, что в социальных системах детерминизм (закон) не существует, что предсказать, построить модель невозможно. Что поэтому, гуманитарная наука — это скорее искусство и интуиция... Вот и начинает оконтуриваться искомый «угол» для диагностики и дефиниции гуманитарной науки, точнее даже российской гуманитарной науки. Представитель же точных наук скажет, что аксиома — «в сфере предмета гуманитарных наук законов природы нет, например, потому, что действуют воли человека — суть нематериальные факторы» никем не утверждена. Предположить можно как это, так и обратное. Но нужно заметить, что достаточно мощные для преобразовательной практики модели (как отражение законов либо закономерностей) в области гуманитарных наук были и есть, и потребность в них хотя бы для прогнозирования и конструирования будущего, совершенно очевидна.

Близки, но все же отличительны от точных наук естественные науки: например, география, геология, астрономия, медицинская наука и т. д. Но, во-первых, очевидно, что они

более конкретны (узки) по предмету, более размазаны на предлагаемой шкале влево и, что очень важно, их определяющий признак — естественные — заставляет искать антиномию, — а что же такое неестественные науки? Уж не искомые ли гуманитарные?

В поиске согласованных дефиниций целесообразно посмотреть на предмет и метод наук, как признаки их возможной классификации. Интересно, что метод сочетается с познавательным потенциалом науки, а предмет с преобразовательным, что вновь напоминает о нашем двумерном пространстве анализа.

Представляется, что естественные науки ограничены по своему предмету, в который входит весь окружающий мир, кроме разумной (humanitario) индивидуальной и коллективной (socio) деятельности человека (конечно, в чистом своем виде). Естественные науки — от слова естественный (natural). Natural — nature — природа. Кажется, подходим к искомому. Все, что природа (окружающий мир) — это предмет естественных наук. Но природа — это, как известно, только «половина» мира. Вторая половина, которая и заполняет оставшееся пространство мира, — это неприрода, нематерия, т. е. дух, разум. А значит, все, что изучает дух, разум — это науки неестественные, но самодостаточные, т. к. полностью заполняют эту половинку всеобщего пространства предмета науки — мира. Для них должно быть

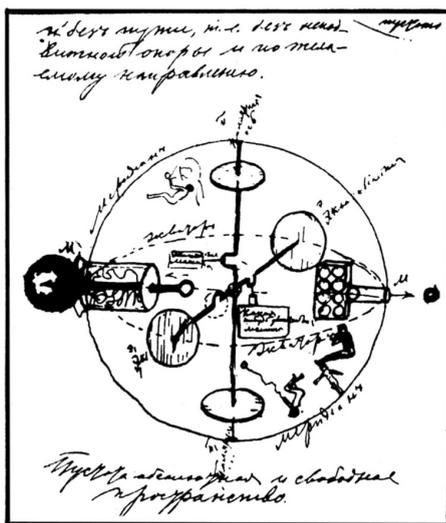

Рисунок К.Э. Циолковского

единственное название, ибо предмет один. Что же остается, кроме гуманитарных наук?

Таким образом, получается, что гуманитарные науки (почти, что методом исключения) отграничены по своему предмету, коим является **разумная** индивидуальная и коллективная, т. е. **социальная** деятельность человека. Главный их определитель — гуманитарные — находит свою перво-причину — человек (*human*).

Отграничены ли полностью таким образом понимаемые гуманитарные науки от естественных? И да, и нет. Да, потому что, например, хотя в естественной науке — медицине тоже изучается человек (например, высшая нервная деятельность, мозг), но изучается как био-организм, в отличие от социо-организма. Этот предмет вполне сохраняется в случае человека-овоща, или даже в анатомии. Но в этих случаях нет эманации **разумного**.

А вот психология, например, наука пограничная. Тут вам с одной стороны, политическая психология — наука о «разумном» поведении социума. А с другой, психология личности на переходе и на границе с психиатрией, в которой разумное поведение человека часто исчезает и остается место для естественно-научной психологии, которую человек интересуется в той же мере, что и обезьяна, например. Или даже простейшие организмы в своих реакциях на раздражители. Однако, поскольку мы ищем ответ на вопрос об отграничении гуманитарных наук от естественных, то по логике, несмотря на «и нет», ответ все-таки следует — да. Да, гуманитарные науки отграничены от естественных по предмету.

Отграничены ли гуманитарные науки от точных наук? Это, пожалуй, самый интригующий вопрос.

Во-первых, отграничены ли по предмету? Нет, и уже хотя бы потому, что предметом точных наук являются все проявления мира. Их предмет самый широкий из всех возможных. Именно поэтому точные науки это не **науки предмета** (его как бы и нет, потому что предмет — это все в окружаю-

щем мире), это **науки метода**. Прежде всего математического метода. Поэтому можно согласиться с правомочностью и такой интерпретации в одном из подходов, в котором утверждается, что математика — это не наука (в смысле данного нами в начале определения). Математика — это метод.

Во-вторых, отграничены ли гуманитарные науки от точных наук по методу?

Ах, как множеству российских гуманитариев хочется сказать — да, отграничены! Хочется оправдаться, отмазаться... Хочется утвердить, что гуманитарные науки — это сродни искусству, ощущению, наблюдению, интуиции.

Здесь следует наш *ВЫВОД № 2*. Российская наука — жертва расчленения в части ее метода, жертва самих российских гуманитариев, российской системы образования и научной квалификации, как и государства — заказчика гуманитарных консультаций и рекомендаций. Наш ответ на очередной вышеставленный вопрос — нет. Не отграничены гуманитарные науки от точных по методу. Нет тому причин и оснований. Не должны быть отграничены. И примеры зарубежной гуманитаристики об этом говорят.

Тут пробрасывается мостик к нашей задаче — диагностике российской гуманитарной науки, оценке ее «миростроительного» потенциала. Но вернемся к нашей шкале. Можно ли на ней увидеть место гуманитарных наук? А у нас уже нет выбора. Если мы признали, что естественные науки там занимают всю шкалу (а их предмет: все, что не *humanitario*), то гуманитарные науки (а их предмет, все, что *humanitario*) обязаны занимать то же самое пространство (рис. 5).

отражение	упорядочение	моделирование	преобразование
гуманитарные науки !			

Рис. 5. Место гуманитарных наук

Честно говоря, самому полегчало, т. к. все время что-то традиционно, интуитивно, по-жизни подзуживает, что какие-то они второстепенные, неполноценные, что ли — эти гуманитарные науки. Но ведь видим, что методы могут и должны быть теми же самыми, что и у естественных и точных наук. Предмет такой же обширный, и к миростроительству имеющий возможно даже более значимое отношение. Скажем, физик изобрел атомное оружие, но изобрел его применение политик!

Нет никаких причин урезать гуманитарные науки по методу, ограничивать их в пространстве между «миропознанием» и «миростроительством». Чем важнее знание и использование свойств грунтов или композитных сплавов, или микрополупроводников, чем знание свойств человеческого поведения, как индивидуального, так и коллективного? Может быть, в экспериментах высшего напряжения — войнах более важны крылатые ракеты, чем дух человеческий (см. историю с проигрышем США в Ираке)? Может быть, разрушение великих держав и море крови происходит не по причине человеческого фактора (исчезновения пассионарности народа, глупости и корыстности элит, авантюристичности или измены лидера)? Только ли естественные факторы (предмет естественных наук) определяет судьбы людей, народов, стран? Ведут к счастью или несчастью миллионы людей? Почему в России больше всего природных богатств, но живет она по меркам стран, занимающих в мировой табели о рангах десятые и сотые места, уступает иным успешным странам?

В том числе, потому, что властно-политическое и государственное управление в стране производится без мозгов, либо с недолжным их количеством и качеством. А вот это и есть неотъемлемое поле приложения гуманитарных наук. Проверка их дееспособности на практике. Заметим при этом, что с точки зрения активной ответственности за состояние и судьбы рода человеческого (да и собственного народа и страны) существенно более значима правая часть шкалы — «миростроительство». К этому мы еще вернемся.

Итак, мы подошли к искомому определению гуманитарных наук в контексте нашей задачи.

Гуманитарная наука — это человеческая деятельность по отражению (познанию), упорядочению получаемых знаний (информации), построению моделей (теории, опережающего отражения мира), преобразованию мира на их основании в области разумной индивидуальной и коллективной человеческой деятельности.

Какие науки при такой дефиниции входят в перечень гуманитарных?

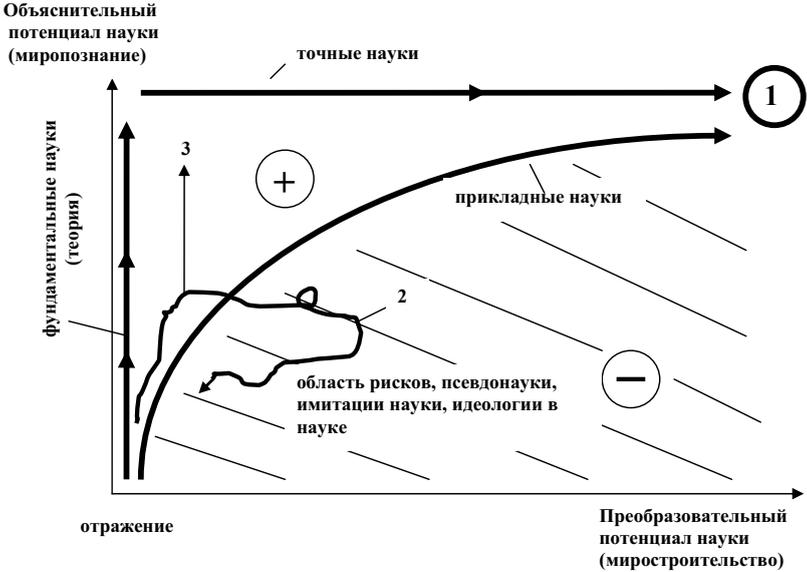
Философия (конечно, т. к. ее предмет — это разумное на фоне неразумного, дух на фоне материи). История. Социология. Юриспруденция (хотя эта наука, как и математика, ближе к науке-методу, чем к науке-предмету). Политология. Психология (как говорилось, отчасти). Экономика. Филология. Биология (до границы разумного). Медицина (до границы разумного). Этнография. Антропология. Искусствоведение. Культурология.

Представляется, что предложенная дефиниция и подход позволяют классифицировать все имеющие место гуманитарные науки.

Более общее изображение двумерного критериального пространства диагностики гуманитарных наук, необходимое, как говорилось выше для снятия пересечения познавательного и преобразовательного потенциалов науки, представлено на рис. 6.

На рис. 6 видно, что фундаментальные науки (теория) дают знание, но оно еще не применимо для практического использования в преобразовании. Однако, чем выше понимание предмета действительности (вверх по оси ординат), тем больше и разрешенное пространство по горизонтали (обозначено знаком +), т. е. потенциальное пространство преобразований. Чтобы это преобразование стало возможно на практике достижения фундаментальной науки должны продрейфовать по траектории прикладной науки, уровень которой, как это хорошо видно

на рисунке, зависит от содержания результатов фундаментальной науки.

- 1 — желаемое состояние науки с максимальным объяснительным и преобразовательным потенциалом
- 2 — траектория российской гуманитарной науки
- 3 — направление вывода гуманитарной науки из кризиса
- — направление научного процесса (прогресса).

Рис. 6. Двумерное критериальное пространство потенциала науки

Видно, что пытаясь без должного научного понимания предмета преобразовывать, т. е. входя в запретную рискованную область (обозначенную знаком минус и заштрихованную), можно получить вместо позитивного преобразования — разрушение. Что и происходит на практике. Не зная свойств грунтов можно получить обрушение построенного здания. Странно только, что никому из неопитов-

претендентов на высшие государственные властные посты не приходит в голову, что в результате их незнания, их непонимания предмета, невежества их помощников и консультантов, ориентации на псевдотеории или осознанно подтасованные теории или знания можно получить обрушение социального здания (получить очередную революцию или путч), обрушение государства. Недавно произошло. Не на грани ли вновь?

Отчего вообще возникает запретная область? Очевидно, что в нулевой точке координат знание также нулевое. В ней наука находится в своей первичной форме по методу — простому отражению. Что полезного можно сделать при нулевом знании? Конечно, можно угадать в попытке преобразования и оно случится успешным, но ясно, что это риск.

Почему точные науки располагаются наверху? Потому, что они аккумулируют в себе наивысшей пробы знание о мире, его модель, как наиболее абстрактное отображение мира, и наиболее продуктивное в плане прогнозирования, изучения свойств мира для его максимально успешного целевого преобразования. Американцы могут не производить дорогостоящих, рискованных и запрещенных натуральных испытаний ядерного оружия, проводя его компьютерное моделирование. Те, у кого нет соответствующих суперкомпьютеров и математических методов, очень сильно рискуют, если попробуют продвигаться методом тыка. Математическое моделирование в гуманитарных науках не менее ответственное. Не бомбили СССР, но страны не стало. Почему точные науки — точные? Потому, что в них нет места вкусовщине (чувственные субъективные знания в начале координат на рис. 6), они максимально удалены от начала координат вверх. На самом деле точные науки проверяемы, и в пределе в них не может быть ошибок. Для этого в них вырабатываются критерии истинности, методы доэкспериментальной верификации результатов.

Если же попытка попасть в заштрихованную область связана с ложным научным представлением (ошибочная

теория или модель), что возникает почти в обязательном порядке, если над наукой берет верх идеология, то риск, неуспех, разрушение неизбежно. Учение Маркса-Ленина, которое «всесильно потому, что оно верно», на поверку оказалось бессильно, потому что неверно. Но унесло со своими ошибками в историческое небытие и супердержаву и миллионы зряшно утраченных человеческих жизней.

Идеология в нашем понимании — это конечно вненаучная категория. Это политическая категория, которая, если коротко, есть «обоснование своих претензий на власть», она связана с политическим субъектом, его интересом и желанием добиваться власти и потому ненаучна в принципе. Выход конечно с позиций науки есть и здесь, если соответствующая наука учтет эту субъективность и предложит способы ее балансирования, рассматривая ее как предмет исследования.

Кроме того, нужно взглянуть на вектор (направленность) связи. Идеология — науке и ее влияние на науку. С другой стороны, наука — идеологии, ее влияние на идеологию. Здесь важно не забыть данное нами определение идеологии. Подтверждаем данную выше оценку: вмешательство идеологии в науку превращает ее в ненауку, лишает и познавательно-объяснительного и преобразовательно-миростроительного потенциалов. Однако, вмешательство науки в идеологию может приносить конструктивный результат. Например, научная проверка PR-технологий. Что последовательно, созидательно, конструктивно, нравственно, а что за указанными пределами — разложить, технологизировать, рекомендовать — вполне по силам и уместно именно для гуманитарной науки. Привнесение ценностного выбора и ориентации в идеологию, в политику, как таковые, также может составлять предмет научных усилий. Например, в таких проблемах, как использование ядерного оружия в политической борьбе (модель ядерной зимы Н. Моисеева), такие модели политической борьбы, как политическое насилие (Махатма Ганди), теория политического центризма,

как наиболее гуманная к большинству общества модель политического действия и многое другое. Можно сделать вывод, что полностью отрицать возможность конструктивной связи науки и идеологии, хотя бы в проблеме ценностного целеполагания, ценностного ориентирования политического действия было бы неправильным.

В начале координат методы познания — это конечно рефлексивное знание (терминология А. Неклессы), первичное отражение, малопродуктивное с точки зрения миростроительства, но, чем выше, тем все более эффективно знание и больше его преобразовательный, т. е. практический потенциал. Заметим, что при этом в части метода наука должна все более приближаться к арсеналу точных наук и удаляться от вкусовщины, т. е. от первичного набора осязания, обоняния, зрения и слуха. Ну, добавим еще бесконечное цитирование, бесконечное разбирательство с определением понятий, почему-то не делаемым в самом начале, разговоры по одному и тому же поводу в поколениях, вкусовые «я считаю, поверьте мне, я убежден» в научной аргументации и т. д. и т. п.

2. Российская диагностика

Вернемся вновь к нашей шкале (см. рис. 1). Для определения состояния российской гуманитаристики полезно ответить на вопрос: а кому она нужна? Кто заказчик на соответствующие исследования, кто заинтересован в результате? Кто заинтересован в исследователе, уровне его образованности, методологической вооруженности? Кто тратит деньги на его образование? Если взглянуть вновь на нашу шкалу, то очевидно, что чем левее, тем ближе все эти вопросы просто к человеку, индивиду. Это имманентное свойство разума быть любопытным. Заглядывать, присматриваться, прислушиваться и принимать, трогать пальцами, составлять свое представление о мире, задавать себе вопросы, почему-то.... Все эти вещи легко видеть у детей, у неан-

дертальцев, в теории творчества и у гуманитариев, впрочем и у естественников тоже, если они никак не хотят подниматься вверх в своей инструментальной оснащённости в пространстве между вертикальной осью и границей с запретной минусовой зоной (см. рис. 6).

Чем правее по шкале (см. рис. 1), тем все становится более социальным. В самом правом конце — очевидно поле интересов государства (поэтому, строго говоря, повестка вызовов и проблем государства, власти полностью находится в предметном поле гуманитарных наук). Но, заметим, государства разумного. Государства, которое заинтересовано в развитии, устойчивости, суверенности, гуманизме (это тоже фактор устойчивости развития). Но не государства, которое продает свои интересы налево и направо за цену на газ, или думает, что другое государство его и проинвестирует, и накормит, и напоит, да что там — и бомбить почему-то не захочет. Но нет государства, которое вознамерилось любую «сказку» сделать былью (минусовая область на рис. 6), которое полагало, что единственно верное учение способно объяснить все на свете и указать самые правильные пути развития.

Здесь мы делаем наш *ВЫВОД № 3*. Состояние российской гуманитарной науки производно от отношения к ней государства.

Что происходило в советско-коммунистические годы? В первые годы мозг нации в положении «говна» был отправлен за границу. Бердяев, Сорокин, Сикорский — десятки, сотни, тысячи имен. Затем единственно верное учение вызвало к жизни целое племя, тираж «научного» деятеля в области гуманитаристики. Это типическое племя размножалось, воспроизводилось в поколениях, плодило бесконечное множество «научной» литературы по истории КПСС, политэкономии социализма и коммунизма, марксистско-ленинской философии, антикибернетике, антигенетике, антисоциологии, лысенковской биологии борясь с «буржуазной» наукой, с головой уйдя в область идеологического содержания научного знания, что (см. рис. 6) запрещено и т. д. и т. п.

Каков был итог этой «научной» эволюции наук? Они вышли за запретную границу справа! Их туда неотвратно заводила идеология, как это отмечалось выше. Действительно, советская гуманитарная наука, вынужденно находясь в скобках ограниченных, ошибочных доктрин и даже догматов, и выходя направо по шкале, где критерий теоретической истины — это практика, попадала под отсев. Практика не могла подтверждать лжетеорию и псевдонауку. Из этой коллизии могло быть два пути: отказаться от псевдонаучности либо отказаться от практики. Первое означало, что нужно подняться вверх и это могло бы помочь выйти из запретной зоны. Второе означало, что неизбежно смещение влево, впрочем тоже позволяющее выйти из запретной зоны, но как же тогда с «пятилеткой в четыре года», «программами сближения села и города путем уничтожения сел», «форсированной приватизацией и либерализацией», «энергетической супердержавой», «освобождением цен на энергоносители и раздроблением естественных монополий»? Ясно, что произошло реально. Произошло блуждание в запретной зоне. Советская, российская гуманитаристика поползла в итоге вниз — влево. А там что? Там созерцательность, там описательность. Там бесконечное, безобидное и бесполезное (если утрировать) писание. Там отсутствие точных методов и точных критериев истины. А как же, истина-то задана идеологическим, политическим указом! Изжит ли этот советский эксперимент над гуманитарными науками в настоящее время? Очевидно, что нет. Примером тому новое «всесильное» учение — неолиберализм. Совсем новое — о «суверенной демократии».

Книжная миниатюра.
Художник А.И. Калашников

Есть ли выход, траектория вывода российской гуманитаристики из этой низкой ловушки в устье пространства +? Да, есть, но об этом ниже.

Не случайно сегодняшний гуманитарий, получив творческое задание на исследование, не говорит «я пошел решать задачу». Нет, он говорит: «Я пошел писать!». Как писать? А поставить задачу (про которую говорят, что самое трудное — это поставить задачу, что поставить задачу — это ее наполовину решить)? А выбрать метод решения? А решить ее, отмечая момент, когда, вытирая пот со лба, можно воскликнуть — «я решил эту чертову задачу!!!». А получить результаты решения задачи? А проинтерпретировать эти новые результаты, т. е. уложить их в модельное представление о мире, в новое системное знание? А дать рекомендации практикам, властям, например? К тому самому «миростроительству» подойти?

Где вы видели такого гуманитария в России? (Утрирование и пафос здесь только для заострения внимания, только для этого, — исключения бывают, но, как известно, они только подтверждают правила).

Следует наш *ВЫВОД № 4*. Российская гуманитаристика сползла вниз-влево, к описательности. К вкусовщине. Она зачастую бессильна даже упорядочивать знания. В 1990-е гг. один «очень» известный доктор полит. наук, проф. N (в интернете на него 40273 документа — очень известный человек), немалый вклад внесший в оправдание сепаратизма в России от Татарстана до Чечни, в одном из докладов рассказывал о «волнообразном» политическом процессе в России. Основанием для научного вывода были, по его словам, «осенние успехи в (тогдашних) реформах» и, вот надо ж, «нынешний (тогда) весенний откат». Профессору просто невдомек, что волну (гармонический процесс) невозможно идентифицировать по выборке меньшей, чем несколько ее периодов. Такие же вольности возникают в открытиях исторических волн и циклов при наблюдении всего лишь подъема и спада и т. д. А гармонический (волновой) про-

цесс в природе — один из самых фундаментальных. «Но мы ведь не исследуем, не решаем задачи, мы ведь пишем!» И пишется вместо науки псевдонаука.

Болезнь проникла в образовательные стандарты. Где, на каких гуманитарных факультетах всерьез преподают методы точных наук? Распознавания образов (предтеча моделирования). Методы сглаживания шумов, интерполяции и экстраполяции, без которых прогнозирование — это гадание на кофейной гуще, (*это ВЫВОД № 5*), не более, чем *вкусовщина*, которая тоже стала отличительным признаком российской гуманитаристики. Методы оптимизации, которые приучают исследователя к культуре цели, критериям эффективности, вариативности решений, относительного и абсолютного успеха. Методы пространственных метрик, которые предохраняют от упрощенчества однопараметрических моделей социально-политического анализа и управления.

Российский гуманитарий вроде бы не чурается методов социологического исследования, экспертной оценки. Но, услышав при этом про **дисперсию** оценки, выкидывает из текста монографии целый раздел, мотивируя это тем, что оппоненты и рецензенты из «цеха» — «не поймут», не знают они такого слова. А это, уже набившее оскомину, «больше или меньше на порядок». На порядок — это в 10 раз!!! Но даже этого не знают.

В ВАКовской системе просто катастрофа. Попробуйте принести диссертацию по политологии, например, с математическим аппаратом, терминологией, графиками и моделями. Это воспринимается как оскорбление, это вызывает защитную реакцию и, следовательно, те же риски, которые когда-то сгубили Вавилова на фоне Лысенко. В чем разница?

Компетентный эксперт ВАК профессор Н объясняет: «Докторская по гуманитарным наукам не должна содержать ссылок на предыдущие работы ее автора. Докторский кирпич — это оригинальное и новое авторское произведение». Позвольте, а как же решение крупной научной задачи, со-

здание научной школы, к которым призывают представители точных наук в этом же самом ВАКе при квалификации доктора в точных науках? Доктор наук стало быть не должен решать ее — эту задачу долгие годы, по крупицам, и по ступенькам приближаясь к значимому итогу? Как же, в конце концов, быть с требованием ВАКа, чтобы основные результаты докторской работы были опубликованы автором? Публиковать, но на них не ссылаться?!

Значит, достаточно собраться с силами, как-то раз взять и написать 350 стр. текста и ты уже доктор наук? Так ведь и пишут сотни, тысячи страниц. Без начала, без конца. Не решают никакой задачи. Пишут по поводу, говорят по поводу, делают доклады по поводу. Более того, эти писания покупаются в буквальном смысле в подземном переходе, как покупаются статьи и монографии, докторские степени, академические звания.

— Какую задачу ты решаешь, уважаемый диссертант? — Какую, какую. У меня *ТЕМА* задана. Вот так и уходит российская гуманитаристика налево-вниз. В описательство. Но, если исходить из нашего определения гуманитарной науки, то, отсекая от нее такие признаки как упорядочение, моделирование, преобразование, мы переходим к чему? Это *ВЫВОД № 6*.

Российская гуманитарная наука, к сожалению, за исключением исключений — это не наука. Не надо тут всеу серьезную вещь — науку вспоминать. Имитация и псевдонаука, фактов и иллюстраций тому — не счесть.

Факт. Докторская диссертация по современной российской традиции должна под собой иметь монографию. И ее тоже должно «написать». Причем диссертант должен быть единоличным автором. Коллективное авторство не допускается. Таковы правила игры.

А вот в точных науках, чем серьезнее научная задача, тем больше сил, средств и времени на ее решение затрачивается. И результат, полученный под руководством и при собственном вкладе диссертанта — предмет докторской.

Чем крупнее, чем серьезнее научная задача, тем больше людей участвует в ее решении. А значит и в авторстве коллективной итоговой монографии. А руководитель авторского коллектива — диссертант. Вроде бы правильно? Нет, в гуманитарных науках так нельзя. Диссертант-автор должен быть один. Опять — «не поймут».

Даются удивительные определения. «Нечто» — это когда то-то, то-то и то-то. Но определение должно отвечать на вопрос — что это, а не когда. Или: «нечто» — это не то и не то. Так что же — это «нечто», в конце концов? А ведь описывать чем не является «нечто» можно бесконечно, заполняя параграфы и главы, тома и диссертации. Целая диссертация, например, была посвящена проблеме разницы между ментальностью и менталитетом. Защищена, утверждена. Но простого определения что такое менталитет и что такое ментальность дано так и не было.

Каково и блестяще следующее определение! «Безопасность — это состояние защищенности личности, общества и государства». Не откуда-нибудь — из кандидатской диссертации цитата. Из российской доктрины национальной безопасности. Определение потом пошло гулять по целому ряду российских законов и документов.

Как можно определять левую часть через неопределенную правую? Состояние кого? Личности, общества и государства. Хорошо, а что это за состояние? Чем оно характеризуется, как измеряется? Что такое защищенность? Минимизация рисков и угроз (apriori) или ущерба при наступлении опасного события (aposterioiiri)? А ведь разница, скажем, в стоимости государственных мероприятий в первом и втором случае, измеряется многими миллиардами... Но, неважно. «Состояние защищенности». Что это, как не методологическая беспомощность, дорого обходящаяся стране. Обратите внимание, что когда ребенка 4 лет спрашиваешь — что это такое, он ведь тоже говорит — «это когда...».

Выработался устойчивый гуманитарный новояз. По схеме: к каждому существительному, минимум, три синони-

мичных прилагательных. Говоря о «некоей сущности», по пути надо рассказать обо всех приходящих на ум обстоятельствах. И о том, что эта «сущность» совсем не то и не то, что она важна для того и того, что время ее предложения было тогда-то и тогда-то. В одном предложении, посвященном «некоей сущности», дается еще много информации, но непонятно зачем. Зато текст наполняется «содержанием», простое предложение распухает до учетверенного. Вот и параграф готов, глава, диссертация. По такому шаблону «пишутся» диссертации десятками и сотнями. Пишутся за плату. Такса известна. Это и есть механизм деградации. Не представляю диссертации по физике, в которой можно что-то написать не проводя исследования, а высасывая откровения из пальца или списывая с потолка, что впрочем недалеко друг от друга.

Чего стоит такой вывод, защищенный в диссертации. Заметим вывод, делаемый в конце исследования. «В России президентство, парламент и политические партии образуют некую систему». Какую некую? До вашей диссертации непосвященному понятно, что связанные предметы образуют систему! Разве это не путь и механизм деградации российской гуманитарной науки? Именно на этом пути рождаются, например, такие главы в диссертациях, в данном случае по социологии — «Теоретико-методологические основы пожилых людей». Самое удивительное, что апелляция к членам совета по поводу этой абсолютной безграмотности диссертанта никакого действия не возымела. В диссовете том конвейер работает!

Но вернемся к нашим шкалам, как площадке для продолжения диагностики. Российская гуманитаристика по очевидным соображениям работает и находится в том же проблемном поле, что и власть, экономика, социальные проблемы, политика. Умно и эффективно действует та власть, решения и действия которой умно, научно обоснованно готовят ученые и эксперты. Для общенациональной власти — национальные мозги. Для успешного властного отправления не-

обходимо ответить на вопросы: *что* имеет место (*описание* состояния). *Почему* это плохо для целей и ценностей власти (их для этого, как минимум, надо сформулировать, что само по себе непростая задача, к тому же сквозная тема нашего семинара). Заметно, что цепочка вопросов ведет нас по шкале вправо — уже компаративистика, упорядочение. В *чем* причины этого «плохо» (это уже анализ и моделирование — еще правее)? *К чему это приведет*, если не предпринимать иных усилий (чистое моделирование, прогноз, что еще правее)? И, наконец, *как* надо действовать (наиправейшая область на шкале преобразование, миростроительство)?

Заметно, что реальное властное управление не может не скатиться вправо? А где же при этом российская гуманитаристика? Она слева. Двигаться вправо ей и непривычно, и непосильно. А где, кстати, в данном случае ее заказчики, политики, единые и справедливые и всякие прочие России, Родины, Отечества? Слева, тоже слева. Все слева. Включая чиновника. И самых высоких из них.

Весь анализ ограничивается «джентльменским российским набором». Это плохо — нужно чтобы было хорошо. Как этого достичь — связно сказать, если кто и хочет, то не может.

Президент говорит — удвоить ВВП. Как это сделать? МЭРТ, его опорные научные силы ГУ-ВШЭ, ИЭПП и (см. подробнее ниже) говорят: этого сделать нельзя, этого делать не будем. И не делают!

Президент говорит — нужно развиваться, говорит за счет чего — инвестировать в экономику нужно. К миру призыв обращен — инвестируйте в Россию. Минфин же, Правительство и Центробанк говорят на это... Надо изымать деньги из экономики (стерилизовать). И доизымались уже до двух годовых бюджетов. Где уж тут ВВП удваивать!

Где же тут российская гуманитарная наука? Так это она и есть. Говорить о так называемых программах Г. Грефа «Социально-экономического развития России» не стоит, они просто не имеют отношения к науке (в точном смысле этого слова).

Возьмем программу, подготовленную в недрах РАН (группа под руководством известного губернатора). Много чего правильно сказано. И что плохо и чего хорошего хочется. Не сказано только самого главного — КАК перейти от плохого к хорошему. Почему не сказано? Потому, что сравнительно легко, отражая, написать, что плохо. Все знают, что такое хорошо. Но чтобы сказать — как перейти от одного к другому нужно попотеть. Нужно поизучать конкретные связи, механизмы, построить модель действительности, понять ее, чтобы суметь воспользоваться какими-то решениями, которые еще сгенерировать необходимо. Как видно, все это радикально отличается от «пошел писать».

Вся программа, как и авторский научный коллектив — слева внизу (см. рис. 6), в пространстве беспомощности в позиций объяснительного потенциала и потенциала преобразования.

Еще два очень показательных примера, как современная гуманитаристика в России программирует свою беспомощность в миссии интеллектуальной поддержки властей.

Первый пример. Президент Путин поручил готовить заседание Госсовета по проблемам промышленной политики. Была сформирована рабочая группа, один из губернаторов, ныне министр, ее возглавил, привлек, точнее выбрал по своей линии либеральных предпочтений в российской науке известного ученого N. В итоге доклад, подготовленный к заседанию Госсовета назывался (не забудем тему Госсовета) «Кто оплатит издержки глобализации?». Так и хотелось ответить «в Киеве дядька...».

Второй пример. Как-то в привластном экспертном пространстве возникла конкретная научная задача. Или научная тема. А именно, «Формирование государственной политики». Все, больше никаких вводных не было. Такая своеобразная лакмусовая бумажка.

Что сделал представитель точных наук? Он решил по своей логике, что властям надо помочь. Что речь идет о «формировании», как о созидании, как о конструировании,

как о проектировании искомой, т. е. будущей государственной политики. Он подумал, что политика при этом — это практическая управленческая деятельность властей по всей их актуальной повестке. Что все это нужно для изменения дел в отечестве к лучшему («миростроительство»). И взялся за дело. Кстати, западный гуманитарий взялся бы за такое дело точно так же, потому, что иначе ему денег никто не заплатит. Нет эффекта (миростроительство) — нет денег.

В результате появилась разработка цикла жизни государственно-управленческого решения: установка ценностей, определенных целей, факторный анализ и идентификация проблем, мешающих достижению этих целей, декомпозиция проблем на задачи, поиск решения этих задач, процедура принятия этих решений (власть все же), тексты решений, ресурсы на их выполнение, план (программа) действий, оценка рисков, прогноз последствий, верификация, компарация текущих результатов, корректировка целей. В общем — целая технологическая карта. Как в металлургии, или электронном производстве. Не вовремя или не ту присадку присадишь и металл будет некондиционным, а микросхема бракованной. А что, разве во властном управленческом продукте что-то проще? Ответственность за брак меньше? Последствия менее трагичные? Глупость, маразм и корысть властных элит на нашей памяти обрушили государство, пролили море крови. А что у России иной путь, иная возможность? Почему России позволено властвовать без мозгов? Очевидно, что не позволено.

Как видим в этом примере из вышеприведенного списка вопросов представителю точных наук пришлось пройти по всей шкале слева направо. Чем на самом деле не истинный гуманитарий (см. рис. 5)?!

Что сделал в связи с вышеупомянутой задачей представитель российской гуманитарной науки?

Он задачу «формирования государственной политики» воспринял совершенно иначе. В традиционной левой интерпретации, заранее поставив себе справа ограничитель.

Он заранее уже не собирался вникать в проблемы КАК управлять государству и власти. Дальше описания он и не собирался идти. Он не как **задачу** заказанное «формирование государственной политики» для себя «воспринял», а как **тему**. Как повод для описания. Но описывать можно что? Имеющееся, свершившееся, прошедшее. Так «государственная политика» получила интерпретацию в виде «состоявшегося набора событий». «Формирование» получило интерпретацию набора актов, событий, в итоге которых по факту возникла некая данность — «государственная политика». Апостериори. Об априори, т. е. будущем, т. е. «миростроительстве», конструировании будущего, актуальном и будущем управлении речь, естественно, у гуманитария уже не идет.

Весь анализ технологий государственного управления свелся к дихотомии «целеполагание-целереализация». Вся государственная политика оказалась тождественна «принятию политических решений». Все! Как говорится, почувствуйте разницу.

Нельзя сказать, что это неценно. Непознавательно. Неисторично.

Но власти что нужно? Только рефлексии по прошедшему, только констатация, только описание, взгляд из левого угла? Очевидно, что нет. Ей нужна рекомендация — что и как делать. Как двигаться вперед — «мир строить».

3. Что можно сделать на стыке гуманитаристики с властью

Вряд ли стоит особо доказывать, что российская гуманитарная наука находится в унаследованном кризисе, и что он нарастает, а деградация прогрессирует. Это *ВЫВОД № 7*.

Кто в этом сомневается, пусть найдет российских «нобелей» в области гуманитарных наук (не политических и конъюнктурных премий Горбачева и пр.), и российских ученых в индексах мировой цитируемости ученых.

Из вышеприведенного анализа вытекают рецепты реанимации российской гуманитаристики.

1. Сочетание в образовательных стандартах гуманитарных со знаниями в области точных наук. (Стрелка 3 на рис. 6). Вообще, образование, на первых курсах на радиофизическом, химическом и историческом или философском факультетах могло бы не отличаться, специализируясь по предмету науки на последующих курсах. Правда магистратура, бакалавриат и прочие современные увлечения Минобразования ведут прямо в противоположную сторону.
2. Исследовательские проекты в области гуманитарных наук должны стать принципиально междисциплинарными, подключая точные и естественные науки с их специфическим методом.
3. В России нужны свои РЭНД–корпорейшн. И нужны прежде всего самой власти, которая должна стать их благодарным заказчиком и потребителем.
4. Традиции, методы квалификационной оценки в ВАК в области гуманитарных наук должны быть реорганизованы и сближены с традициями точных и естественных наук. Те пострадали меньше, хотя тоже пострадали.
5. Гуманитарной РАНовской и вузовской науке нужно признать кризисное состояние и поставить самой себе задачу реорганизации и оздоровления.
6. Должен появиться госзаказ на гуманитарные исследования по проблемам власти и управления. Система министерских тендеров коррумпирована и примитивизирована (см. ниже).
7. Необходимо создавать самостоятельное сетевое экспертное сообщество в области гуманитарных исследований.

Конечно, это не все рецепты, да и они сделаны навскидку и далеки от полного решения задачи оздоровления российской гуманитарной науки или задачи обустройства моста

между гуманитарной наукой, как институтом и властью. Но сама задача — очевидна.

Вопрос о постановке задачи оздоровления российской гуманитарной науки и увеличении ее роли в общественном и государственном строительстве конечно требует более детального описания фактической картины ее состояния и вовлечения российских научных центров в институт фабрик мысли.

4. Идеиная коррупция вместо РЭНД-корпорейшн

Итак, фабрики мысли — это медиатор между мозгами нации и ее властью (рис. 7).

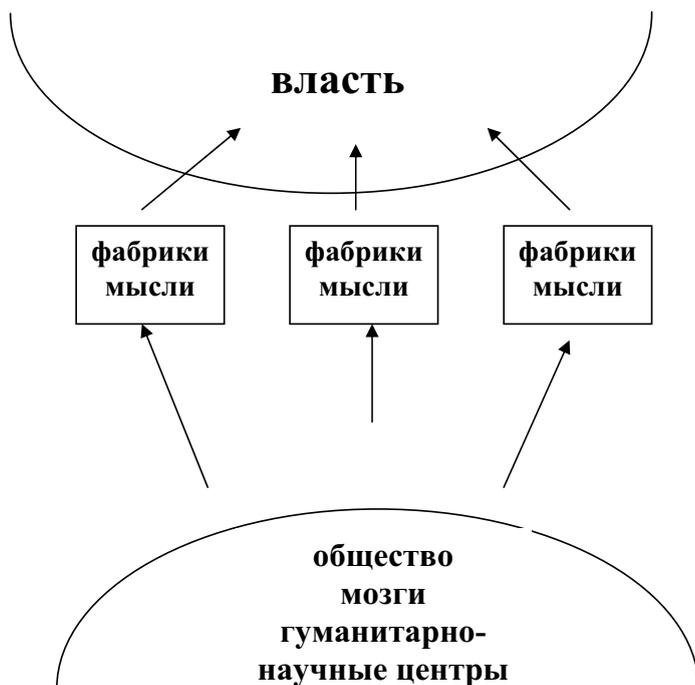

Рис. 7. Место фабрик мысли в системе общество-власть

Они отличаются от чисто бюрократических структур и они отличаются от чисто научных структур. Это своеобразный буферный тип организации, аффилированной с властью. Отличия связаны с тем, что работы по преимуществу носят прикладной характер. И не поисковый прикладной, а конкретный и совершенно целенаправленный заказной. Т. е. как раз тот случай, когда ставится конкретная задача. Например, задача вывода России из демографического кризиса. Тут описательством не отделаешься, когда надо управлять, действовать. Во-вторых, конечный продукт должен выполняться в рамках регламентных норм властных процедур, носить управленческий характер и иметь управленческий вид. Междисциплинарность по минимуму определяется тем, что, кроме содержательного проблемного специалиста, например, демографа, в разработке должен принимать участие еще и юрист, знающий регламент госуправления и технику написания нормативно-правовых, и оперативно-распорядительных документов. В-третьих, конечный продукт должен сопровождаться прогнозом последствий предлагаемых управленческих решений. Вид такой научной деятельности ближе к научно-экспертной. Однако здесь необходим акцент на научной обоснованности, т. к. в России похоже стало достаточно выучить соответствующий теме набор слов и ты уже «эксперт», «известный» экономист, записной телекомментатор и т. п.

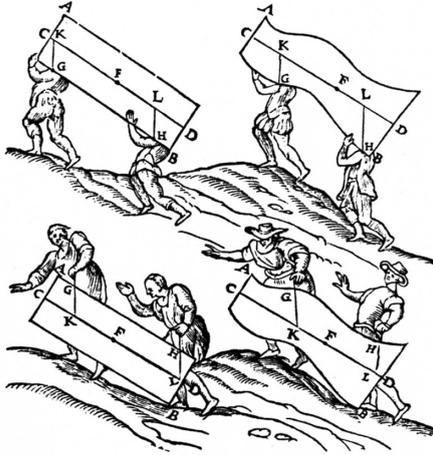
Приведенные выше рассуждения о неразрывности шкалы познавательного-преобразовательной деятельности (см. рис. 1) совершенно актуальны в работе фабрик мысли. Возьмем текущий российский пример. Президент поставил задачу преодоления демографического кризиса. Штатные советники и помощники вместе с записными демографами ему тут же посоветовали — (далее следует цитата из Послания Президента РФ Парламенту Федеральному собранию РФ 2006 г.). Указывается: «...необходимо следующее. Первое — снижение смертности. Второе — эффективная миграционная политика. Третье — повышение рождаемости...

DE LA STATIQUE-PRACTIQUE.

477

Or ce qui a esté dit de l'échelle, se peut aussi entendre d'autres faix, comme cy-dessous; trouvant prealablement les lignes CD, par la 1re proposition de ce livre, lors qu'elles sont irregulieres; & que les perpendiculaires par G, & H, coupent CD, és points equidistants de EF.

Ce que dessus est, lors que CD est posé parallele à l'horizon (c'est à dire au niveau) mais si elle estoit oblique à l'horizon. comme cy-dessous, quand les porteurs montent ou descendent, alors la raison des pesanteurs se changeroit, mais elle seroit toutesfois

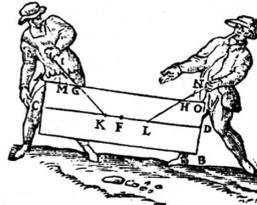
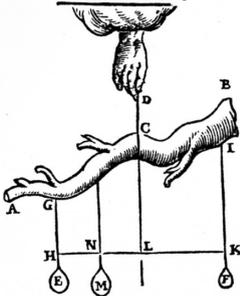

ceginé. Car soit pour plus ample declaration, que les porte-faix ayent à monter quelque montagne, comme cy-dessus.

Ayant mené des perpendiculaires par les points G, H, coupant CD en K, L, ils ne porteront pas autant l'un que l'autre, comme au precedent exemple, veu que FK (és deux figures d'enhaut) est majeure à FL, & moindre aux deux de dessous: Comme aussi FK à FL, ainsi le poids en H, à celui de G. D'où s'en suit que lors que les points fermes G, H, sont au dessous de CD, que celui de devant porte le moins; mais au dessus, il porte le plus. Et que si les points fermes estoient en CD, qu'ils porteroient tousiours les mesmes poids, tant en pente, qu'en pleine campagne, ce qui est du tout manifeste, par les 14, 15, 16, 17, 18, 27, 28 propositions du premier livre. Mais d'autant que plusieurs manou-

vriers n'entendent, ny ne peuvent mettre leur temps à lire ces propositions, qui toutesfois voudroient voir à l'œil quelque raison qui les induisit à croire, cela, ils pourront prendre un balton droit & regulier, ou tortu & irregulier, comme il arrive, tel que AB, le suspendant par un ligament CD en C, puis attachant des poids egaux E, F, au balton, tellement que les cordages GH, IK, soyent equidistants de la ligne CD produite en bas, a l'avoit HL egale à LK; le balton tiendra la mesme disposition qu'aparavant: ce qui se fera aussi, si en ostant E, on y met M double à F, moyennant que KL soit aussi double à LN, d'où s'en suit necessairement ce qui a esté dit cy-dessus, & ainsi ils le pourront entendre facilement.

Les lignes és figures precedentes, par lesquelles les porte-faix supportoient les fardeaux, estoient perpendiculaires à l'horizon, que si elles y estoient obliques,

comme icy joignant, ils soutiendront un plus grand faix, que le fardeau ne pefe. Et pour sçavoir combien de

Самое действенное... меры материальной поддержки». Итак, сделано утверждение, что самое действенное — это исправление ситуации с материальными условиями жизни российских граждан. Откуда это взято? Исследованы ли ВСЕ факторы, кроме материальных условий, действующие на демографический итог? Выстроена ли их субординация, чтобы обоснованно полагать, что именно этот фактор (материальный) — «самый действенный»? Ничего этого сделано не было. Официальная демографическая наука, на свой **вкус** определила, да это и любому из нас, исходя из своего **чувственного** опыта (если плохо живешь — то вроде бы и рожать несвойственно, да и помрешь быстрее), на основании первичных методов **отражения** проблемы, так бы **показалось**. Изучен ли предмет, в данном случае все факторы? Упорядочена ли их субординация? Построена ли модель (т. е. достигнуто ли понимание предмета — демографического процесса)? Нет. В итоге помощники и советники по нашей «карте» на рис. 6 пошли от точки отражения сразу направо, давая свои рекомендации как президенту РФ действовать, т. е. преобразовывать печальную демографическую действительность. И... попали в запретную, беспомощную и даже разрушительную область.

Детальный же анализ, исследование проблемы, изучение больших статистических рядов по странам (по пространству), в исторической глубине вплоть до полутора веков (по времени), математический факторный анализ, создание четырехфакторной модели российского демографического процесса, создание даже новой теории «демографической вариативности», т. е. продвижение из начала координат на рис. 6 вверх, позволили показать, что есть более значимые для демографии факторы, чем материальный, что управленчески воздействовать нужно именно на них в первую очередь. Ориентация же только на материальный фактор, как это подсказали президенту, на самом деле находится в разрушительной заштрихованной области. Оказалось, что, увеличивая действие материального фактора, рождает

мость можно даже уменьшить! А главным для российского человека в его репродуктивном поведении оказались идейная духовность, смыслы жизни. «Не хлебом единым жив человек». Цивилизационная особенность в российском случае для демографического результата также оказалась весьма специфичной и значимой. «Что немцу здорово, то русскому смерть».

В этом продвижении вверх (см рис. 6) пришлось отвечать на множество вопросов. В чем состоит специфическая природа российских факторных демографических связей?

Какова значимость отдельных факторов, какие из них критически важны, какими можно пренебречь?

Каковы механизмы и возможности воздействия на выявленные факторы, что доступно или эксклюзивно предписано государству, что, в свою очередь, обществу, что ныне разделенному наибольшему русскому этносу России — русскому зарубежью?

В чем должен заключаться конкретный управленческий ответ государства на проблему демографического кризиса, ответ на вопрос КАК повысить рождаемость и продолжительность жизни, уменьшить смертность и целесообразно управлять миграцией?

Поэтому, конечно, фабрика мысли отвечает на управленческие вызовы власти. Но, там, где власть, — там всегда интересы, где интересы — там идеология (см. выше). Значит еще одной особенностью и опасностью для научно-экспертной деятельности фабрик мысли является опасность угодить в идеологическую ангажированность. О состоянии российской гуманитарной науки мы говорили выше, рассмотрим теперь вопрос об ее идеологической ангажированности.

5. Идейная коррупция (как вывод № 8)

Общее определение понятия коррупции звучит примерно так — это вознагражденное действие или бездействие

уполномоченного на принятие решения властного лица в чьих-либо интересах.

Исходя из контекста доклада можно уточнить определение и заявить, что коррупция — это вознагражденная замена баланса интересов полного набора всех групп интересов* на выделенный, более узкий интерес уполномоченным на принятие решения властным лицом (лицами) в процессе целеполагания, разработки и принятия властных решений. Тут можно видеть два сущностных признака: сужение интереса и корысть, которая при этом оплачена.

В результате определение **идейной коррупции** приобретает следующее сущностное содержание. Идеиная коррупция — это вознагражденная подмена в идейно-концептуальной парадигме государственной политики баланса интересов полного набора всех групп интересов выделенным узким интересом. Или, иными словами, это монополизация и ограничение (сужение) пространства выбора властных решений. Сужение в пределе, как это понятно, может произойти до объемов тривиальной формулы, лозунга, идеологемы. И это в условиях, когда государственно-управленческое решение должно быть сложным, многомерным, детально технологизированным, научно обоснованным. А не таким как, например, рефрен примитив-либералов «государство должно уйти из экономики», как ответ на любые вызовы экономической политики. Очевидно, что обсуждаемое явление также позиционируется в левом углу на рис. 6.

Реальное положение дел сегодня в России таково: в механизмах принятия управленческих решений государственной власти доминирует, конечно, правительство. В его управленческой деятельности выделяется такой этап, как разработка решений. Именно это звено наиболее уязвимо и активно используется для проведения в жизнь упомянутых суженных интересов. При этом реализуются они в жизни в

* Отметим, что полный набор интересов всех групп интересов составляет презумпцию ответственности государства.

основном тогда, когда имеется финансовый ресурс для оплаты экспертов-разработчиков и покупки соответствующих чиновников. Здесь со всей очевидностью просматривается проекция на группы интересов, которые удовлетворяют этому требованию — транснациональные корпорации, крупный капитал, некоторые другие группировки. И наоборот, трудно увидеть государственные или общественные запросы, представляющие сбалансированный набор всех существующих интересов. Представители этого общественного запроса пытаются заявить о себе, бьются в чиновничьи кабинеты, но не имеют денежной компоненты и структурно-функционального механизма предъявления своих разработок и идей. А ведь тот, кто сегодня имеет возможность подготовить проект решения, «передать» его чиновнику, тот имеет возможность повлиять на это решение. Именно в узких интересах, вполне комфортно удовлетворяемых при идеологизированной политике современной власти, кроется ключ к многим разгадкам абсурдных экономических или геополитических, или социальных решений.

Одним из частных механизмов, ведущих к монополизации идейно-управленческого пространства, является распределение бюджетных средств на проведение НИОКР (рис. 8).

Проводятся тендеры, которые объявляются министерствами, в большинстве случаев существует своеобразная закольцовка, когда получателями средств оказываются именно те, кто объявляет тендер и имеет возможность определить якобы выигравшего этот тендер. Цифры отката чиновнику по экспертным оценкам колеблются от 50 до 100%.

В этих тендерах, как правило, участвует образовавшаяся в годы либерализации и внешнего управления Россией и усиливающаяся сегодня идейная, точнее идеологическая монополия. Она включает особо отобранные научно-экспертные центры, отраслевые институты и неформально связанные с властными центрами принятия решения о финансировании группировки.

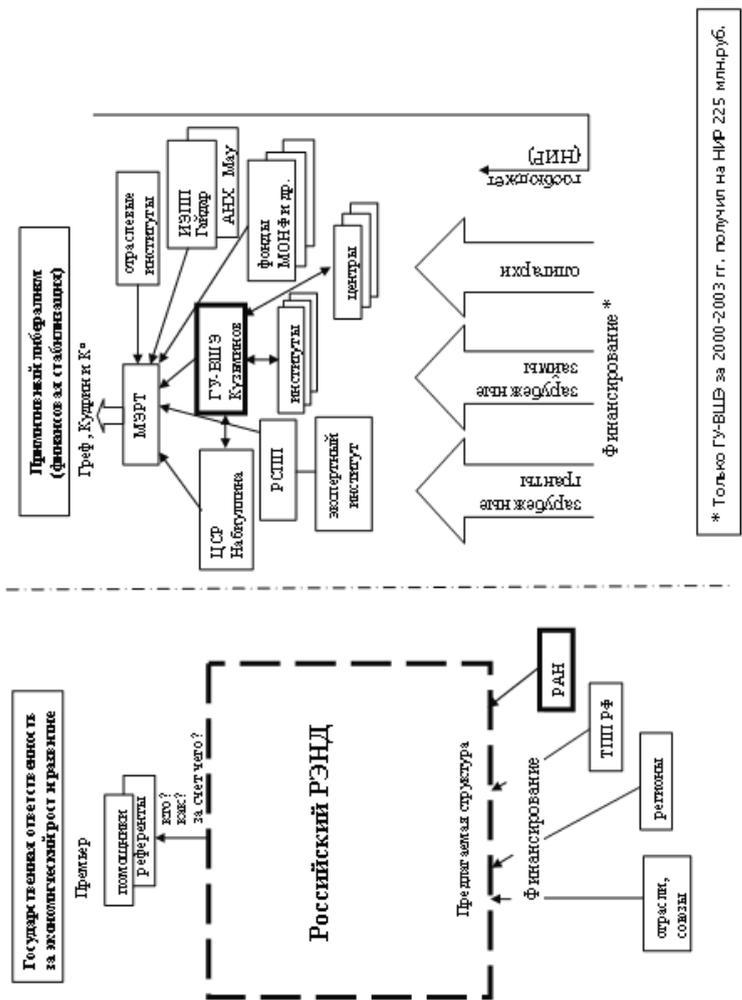

Рис. 8. Пространство научно-экспертного обеспечения власти в наиболее критичной области — экономической политике

Вместе с тем такой национальный научно-экспертный потенциал, как Российская академия наук, различные научно-экспертные центры, в том числе связанные с региональной, отраслевой и иной множественной тематикой, коррелирующей с интересами всех групп интересов в стране, имеет весьма ограниченную возможность участвовать в бюджетном заказе. Рис. 8 служит одной из иллюстраций, которая показывает топологию этого пространства.

Пространство научно-экспертного обеспечения федеральной государственной власти монополизировано. Конкуренции парадигм практически не происходит. Это наиболее видно на примере экономической политики. Одна из парадигм — это, конечно, государственная ответственность за экономический рост и развитие, вторая — тривиальный либерализм, в основном воплощенный как монетаризм и примат финансовой стабилизации.

Непростых, но многомиллиардных по значению для экономического развития страны, даже больше того, для социального и политического развития, вопросов имеется очень много. Например, создание среднего класса через развитие малого и среднего бизнеса. Рост числа новых или появляющихся в результате демонополизации малых предприятий в стране стагнирует (рис. 9). В чем причина, чтобы на нее воздействовать? По этому поводу либеральный министр экономики (отметим без экономического образования или практической линейной экономической карьерограммы), с подачи идеологизированных «экспертов», который год утверждает, что проблема состоит в излишних административных барьерах. Опять государство мешает — надо меньше государства в экономике. Борются с государством, но воз и ныне там. Почему? Да стоит провести хотя бы первичный социологический опрос непосредственно в среде самого малого бизнеса по вопросу, что ему мешает родиться и развиваться, как станет ясно, что нет стартового и поддерживающего оборотного кредита. В то же время Минфин и МЭРТ стерилизуют (выводят из экономического оборота

в стране) сумму уже более двух триллионов долларов. А на кредитный оборотный фонд малому бизнесу нужно было бы всего 5% этой суммы.

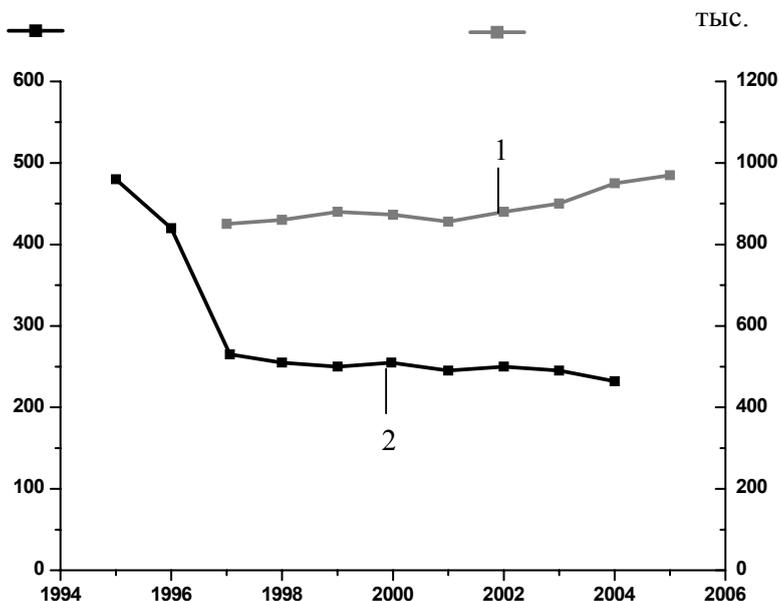

Рис. 9. Количество малых предприятий (1) и монопольных доминирующих предприятий в России (2). Развитие малого бизнеса стагнирует

Помощник Президента РФ по экономике, профессор, годами бился за сокращение государственных расходов в бюджете страны и в реальной практике финансового блока правительства добивался этого. Говорил, что это будет способствовать росту экономики. Но корреляционный факторный анализ однозначно свидетельствует, что никакой связи этих двух показателей нет.

Министр экономики публично и неоднократно заявляет, что в России нет качественных бизнес-планов и инвестиционных проектов, которые можно с приемлемым рис-

ком прокредитовать. Мол и деньги есть, но кредитовать некого. Откуда он это взял? Опять, «мне кажется», опять левый нижний угол, в котором аналитики и эксперты МЭРТ прописались (см. рис. 6) кажется уже пожизненно. На деле же достаточно взглянуть на рост внешнего корпоративного российского долга, который достиг к 2006 г. величины в 184 млрд долл., уже большей, чем даже внешний государственный долг, чтобы понять, что есть кого кредитовать. Что по фактическому экзаменованию западными банками, особенно щепетильными относительно качества инвестпроектов и рисков, таковых в России на многие миллиарды. Что же МЭРТ? Что же его фабрики мысли? Что там вообще за мысли, кроме идеологических догматов?

Заметно, что все подобные утверждения выдвигаются без научного обоснования. Если его проводить, что, тем не менее, делается в стране, то вердикт относительно государственной экономической политики страны — однозначен. Это политика сдерживания экономического развития России и приоритетного удовлетворения зарубежных экономических интересов.

В пространстве российских фабрик мысли видна наиболее развитая идейно-организационная связь финансово-экономического блока правительства, ключевого Министерства экономического развития и торговли со своими отраслевыми институтами, институтом Гайдара, системой научных фондов, научно-экспертной империей госуниверситета — Высшей школы экономики, Центром стратегических разработок. Очень четко в поле кланового интереса позиционирован Российский союз промышленников и предпринимателей, который в открытую говорит, чьи и какие интересы выражает. Это целый шлейф институтов и центров. Финансируются они, как известно, через широкий поток зарубежных грантов, в том числе зарубежных правительственных займов через бюджетную процедуру, крупнейшим капиталом и, что самое интересное для анали-

за, самым российским государственным бюджетом. Вторым признаком классической коррупции, если мы уже о монополизации интереса поговорили, признаком оплачиваемости — вполне доказуем.

Обращает при этом конечно на себя внимание, что преобладание интересов олигархического бизнеса, транснациональных корпораций, мировых центров — это ослабление Российской Федерации как научно-технической, оборонноспособной державы не по риторике, а по результатам и трендам. Это закрепление сырьевой ориентации, что тоже в статистическом отображении видно весьма наглядно. Это фактическое пренебрежение здоровьем, жизнями россиян, регионов страны, что доказывается уменьшением населения страны.

С другой стороны, научный анализ показывает возможность установки иных идейно-ценностных функций цели в государственной политике. Таких, как национальная безопасность, национальные интересы, территориальная целостность, уровень жизни населения, экономический рост и долгосрочная устойчивость развития, несырьевая модель подъема экономики.

Средствами достижения антицелей являются финансовая стабилизация, монетаризм, сжатие спроса, стерилизация денежной массы, реформы ради реформ, когда средства превращаются в цель, отстранение государства от ответственности за управление и регулирование экономикой.

Вместе с тем потенциально существуют другие средства — инвестиционное стимулирование экономического роста и развития, государственное управление и регулирование, и, как реализация неотъемлемой ответственности государства, активизация внутренних источников, программно-целевое управление с ценностными дифференцированными установками, уход от сырьевой модели, выравнивание развития регионов и т. д.

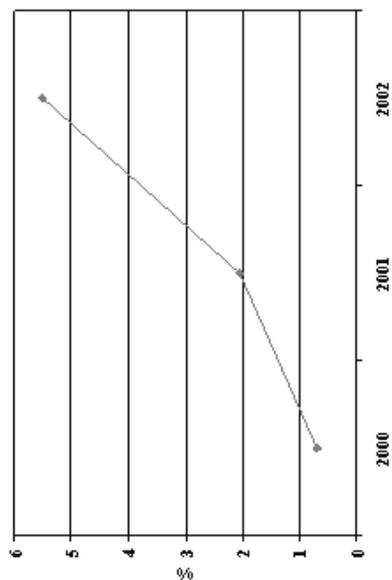
Возвращаясь к вопросу о российских фабриках мысли можно утверждать, что потенциально соответствующие

центры, эксперты, разработки, программы и т. д. существуют, но нет механизма их вовлечения в реальное государственное управление. Скажем прямо — нет и государственной воли к тому.

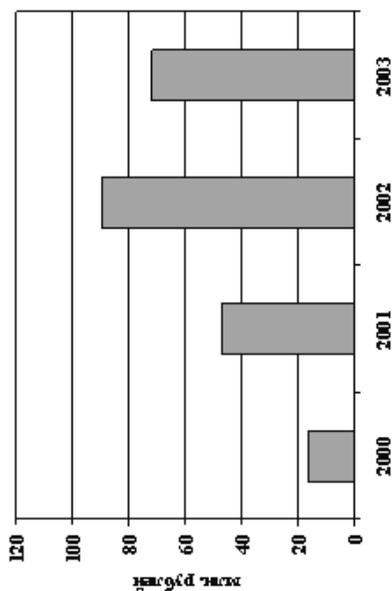
Соответственно, с точки зрения финансового обеспечения экспертной работы, картина почти такая же. Наиболее убедительно и красочно она выглядит в статистических графиках и гистограммах (рис. 10). Доля в процентах от общего объема бюджетного финансирования НИОКР Министерством образования в один-единственный адрес — госуниверситет — Высшую школу экономики выглядит вполне убедительно.

Если экстраполировать данные хотя бы на один год, то мы получаем десяток, а то и больше процентов всех бюджетных назначений только по одному адресу, олицетворяющему идейную концепцию тривиального либерализма. В абсолютных цифрах финансирование исчисляется десятками миллионов рублей только бюджетного финансирования. К этому надо присовокупить существующее финансирование через зарубежные гранты и займы.

Представленная картина побуждает задать вопрос, который позволил бы найти хоть какую-нибудь оптимистическую ноту для завершения рассмотрения обсуждаемой проблемы. Чем и как конструктивно и организационно-функционально, в том числе и финансово, можно заполнить пустующее пока пространство иной парадигмы экономического развития, а именно государственной ответственности за экономический рост и развитие? Премьер вроде бы хочет, но не может... Кто ему способен помочь? У премьера нет экспертных структур, которые могли бы конкурировать с обрисованной примитив-либеральной империей. Возникает вопрос: есть ли в принципе альтернативный интеллектуально-экспертный потенциал в стране? Конечно, есть. Интеллект, опыт и ответственное понимание задач есть и в прикладных исследовательских центрах, отраслевых и региональных центрах, есть он в таких интег-

Доля в общем объеме НИОКР Минобразования финансирования ГУ-ВШЭ

Объем заказов ГУ-ВШЭ только от федеральных органов исполнительной власти

В 2004 году данные малодоступны.

1. Минобразования «ссужает» 13 млн. рублей.
2. За счет внешнего государственного долга (?) 1,6 млн. долл. США (совместно с БЭАи АНХ).
3. USAID, программа Economic Policy Reform 2,15 млн. долл. США. Приоритетное финансирование ИЭПП, МОНФ.

Рис. 10. Монопольное финансирование российских фабрик мысли

рирующих структурах, как Торгово-промышленная палата РФ, Российская академия наук. Есть и разработки, и творческий потенциал.

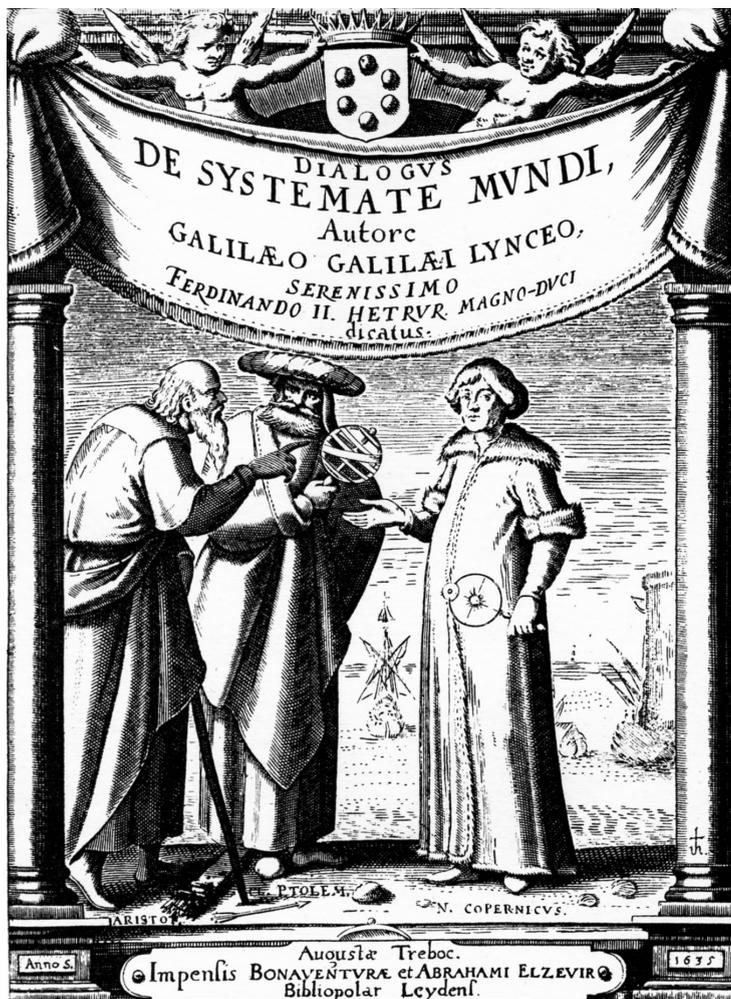
Как его подвести и присоединить, в особенности, к первому и второму кабинету политической системы России? При их желании, например, в виде центра типа Рэнд-корпорейшен, который мог бы на базе структурно выстроенной организации как ядра, привлекать на междисциплинарной основе ряд институтов, организаций, находить источники финансирования, прежде всего через заинтересованность групп интересов (и при этом есть способы сбалансировать лоббистский интерес), управление бюджетным ассигнованием (см. рис. 8). Правовой анализ самой возможности такой структуры и ее организационной имплементации показывает, что это возможно уже сегодня в рамках действующего законодательства.

Но вопрос — от чего зависит реализация этой возможности — несколько неопределен. Сама возможность в силу сложившейся ситуации зависит от субъективного фактора, от воли первых лиц. А вот воздействие на эту волю — задача, которую еще надо решать.

Выводы. Россия сейчас находится в условиях, когда, к сожалению, государственно-управленческая и государственно-политическая деятельность упрощена, по факту сведена к идеологемам, неспособным разворачивать всю множественность эффективных государственно-управленческих инструментов, мер, решений и действий. Исполнительные механизмы государственной власти находятся в подчиненности и зависимости от монополизированной широко развитой и усиливающей свое позиционирование идеологизированной научно-экспертной инфраструктуры и группировки, которая зациклена на примитивно-либеральных представлениях. Негативные процессы развиваются и нарастание угроз очевидно.

Выход возможен при активных наступательных действиях институтов гражданского общества, в особенности научных, при апелляции к субъективной воле конкретных лиц на

высшем политическом уровне и в благоволении божьего промысла, каковым возможно Россия может получить просвещенного, патриотичного и энергичного лидера. Российские реалии таковы, что слишком много завязано именно на него.

Галилео Галилей. Система мира.
Книга эльзевиров, 1635